

Конец XX века стал временем эпохальных изменений общества на нашей планете. Последние события подобного уровня имели место три-четыре столетия тому назад, когда в Западной Европе восторжествовали ценности антропоцентризма, человек стал пониматься как хозяин своей судьбы, творец, независимый от социального целого индивид. Впоследствии стало ясно, что замечательные надежды эпохи Возрождения и её потрясающие достижения имели и обратную сторону – распространение индивидуализма, укоренение в Западной Европе ценностей капитализма, которые почти всему остальному миру принесли колонизацию, грабежи, истребление или порабощение местного населения, мешавшего свободной поступи предпринимательской инициативы, и, как итог, доминирование Запада и позиции *европоцентризма*. То есть новые ценности, спровоцировавшие в Европе мутацию традиционной цивилизации в индустриальную, техногенную, стали рассматриваться как образцовые, прогрессивные, а Запад в целом (то есть Западная Европа плюс дочерние для неё государственные образования в Новом Свете) как эталон прогресса для всего мира и его двигатель.

Альтернативная, хотя по теоретическим истокам тоже западная система ценностей, воплощённая в идеологии коммунизма в XX веке, пройдя сложнейшую интеграцию с культурными основаниями восточнославянского общества, воплотилась в лице “Красной империи” – Советского Союза, образовавшего после Второй мировой войны обширную сферу своего влияния в виде

социалистической системы. Идеи глобального господства единственной системы ценностей капитализма и либерализма как его идеологического обоснования почти столетие сдерживались состязанием двух полюсов, претендовавших на доминирование.

Известно, что на рубеже 1980–1990-х годов центральным событием планетарного масштаба стал развал СССР, исчезновение одного из двух центров силы, крушение системного антикапитализма, формирование “беспольного” мира. Остался на нашей планете один центр силы во главе с США, олицетворяющий собой интересы и устремления так называемого “золотого миллиарда”. Именно это событие открыло “врата” новой волны глобализационных процессов.

Штаты не преминули воспользоваться своим положением победителя в “холодной войне” и попытались оседлать глобализационные процессы исключительно в своих интересах, взяв под свой контроль мир, то есть устремились к созданию однополярного мира, управляемого из одного центра. С этой целью был выдвинут глобализационный проект, предусматривающий формирование на нашем земном шаре “нового миропорядка”. Именно после падения СССР на редкость дружно и активно и деятели науки, и СМИ заговорили о глобализации как главном тренде, хотя раньше слово “глобализация” употреблялось очень редко и лишь в узкоспециальных исследованиях. Важнейшим основанием формирования целостного мира посредством свершающейся глобализации стало считаться формирование единого планетарного экономического, финансового и информационного пространства.

Глобализация как концепт нового идеального мироустройства

Что интересно, глобализационный проект, предложенный США и их союзниками после развала СССР, многим представлялся вполне адекватным и приемлемым, открывающим новые возможности более углублённой интеграции мира, решение реально назревших проблем взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. Казалось, что реализация данного проекта позволит объединить усилия всех стран во имя прогрессивного развития человечества, оптимизирует систему управления общепланетарными процессами, смягчит остроту экологических проблем, будет способствовать снижению уровня социального неравенства, разрыва между “богатым Севером и бедным Югом” и т. п. Иначе говоря, концепт глобализации нёс серьёзный ценностный заряд. В целом среди его приверженцев господствовали вполне позитивные оценки относительно разворачивающихся глобализационных процессов и, соответственно, оптимистическое мироощущение.

Здесь опять, как это не раз бывало в человеческой истории, не обошлось без существенных элементов утопического сознания. В оборот был запущен целый ряд идеологем и концептов о “мире по-американски”, об эпохе “*Rax Americana*”, о XXI веке как эре доминирования мировой державы, о “веке США”, об их исключительности и мессианской роли в формировании и развитии нового мироустройства и нового миропорядка. К концу XX века, после падения СССР Запад праздновал свою безоговорочную победу и был уверен в своей исторической миссии в такой степени непоколебимости, что один из его идеологов, Ф. Фукуяма, даже выдвинул концепцию о “конце истории”, согласно которой западноевропейская буржуазно-либеральная модель развития обретёт после крушения СССР универсальный, всепланетарный характер, в силу своего совершенства и превосходства преодолевая и побеждая все иные варианты социокультурного развития человечества. То есть глобализация представлялась как проект всепланетарного торжества капитализма и либерализма, представленных в эталонном виде в Западной цивилизации.

Вскоре, по мере воплощения глобализационного проекта в жизнь, стало обнаруживаться некое не замечаемое ранее коварство мировой элиты, скрытые от поверхностного наблюдения установки и конечные цели глобалистских структур, которые явно не соответствовали первоначальным ожиданиям и упованиям не только нейтрально настроенных в отношении глобализации исследователей и политиков, но и последовательных её апологетов. Обнаружилось, что при реализации “проекта глобализации был избран вариант как явного, так и завуалированного одностороннего монологического диктата” (1, с. 10). Стало очевидным, что на роль неконтролируемого субъекта глобализации

претендует единственная оставшаяся после падения Советского Союза сверхдержава – США, которая вовсе не стремилась осуществлять подлинную интеграцию и действительное объединение человечества, решать стоящие перед ним животрепещущие проблемы, действовать во имя достижения высших целей, но, напротив, поставила перед собой цель превращения всех стран и народов в объекты своего подчинения и управления.

На мировой арене стал раскручиваться маховик произвола и вседозволенности, сопряжённых с навязыванием народам мира с их уникальными культурами и традициями единой стратегии развития, что со всей очевидностью противоречило не только идее становления какого-либо варианта полицентризма, но и потребности объединения ресурсных возможностей и научно-технических потенциалов всех стран мира для решения реально стоящих перед человечеством общепланетарных проблем, имеющих тенденцию к нарастанию и обострению. Глобализация стала действовать в направлении деконструкции суверенных национальных государств и национальных сообществ, открыла возможности вывода элит из сферы служения национальным интересам и подотчётности системам национального контроля. Глобализацию инициировали, направляли и проводили в жизнь вполне определённые силы, а точнее сказать, транснациональные круги США, Западной Европы и Японии, реализующие в этом процессе свои экономические и геополитические интересы, но совпадающие с национальными интересами других народов и государств. Причём глобализация вводилась с помощью механизма политического давления или через деятельность Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО) и целого ряда теневых структур. Это осуществлялось в целях унификации всех национальных экономик вокруг набора одинаковых правил игры, обеспечивающих выгодные условия для стран – лидеров глобализации. Если же на международной арене появлялись руководители, проводящие независимую национальную политику и выражающие глубинные интересы своих народов, то на них сразу же открывалась “охота”, начинало оказываться беспрецедентное давление, принимающее самые разнообразные формы, вплоть до физического устранения (С. Милошевич, Саддам Хусейн, М. Каддафи и др.). Более того, “политическое насилие, причём насилие, инспирированное властью, пронизало общественную жизнь всего мира, в том числе Запада” (2, с. 335). Иначе говоря, проект глобализации, воспринимавшийся многими в начале 90-х годов XX века как идеализированный образ должного и желаемого, как своего рода идеал, несущий в себе немалый заряд утопического вдохновения, начал трансформироваться в нечто противоположное, неприемлемое и неожиданное, грозящее новыми рисками и катаклизмами. В столкновении с действительностью данный проект стал быстро обнаруживать явные черты антиутопии.

Крушение утопических надежд

Глобализация как многомерное и сложное явление, сочетающее в себе единство стихийно-спонтанного и целевого (рукотворного) начал, объективного и субъективного факторов социальной эволюции, оказалась дамой строптивой, не так легко управляемой, как этого хотелось глобалистским структурам. Она в ходе своего развёртывания выявила целый ряд трудноразрешимых противоречий и парадоксов фундаментального характера. Вот некоторые из них. С одной стороны, в современном мире вектор развития экономической, политической, да и в целом социокультурной жизни направлен в сторону создания “больших пространств”, налицо тенденция нарастания взаимосвязанности и взаимозависимости национальных государств, движение по пути интернационализации и интеграции. С другой стороны, рельефно стала выражать себя неустранимая потребность каждого народа в сохранении своей национальной и культурной идентичности. В результате противоречия между универсализмом и партикуляризмом оказались непреодолимыми: вместо открытости друг другу отдельных государств и локальных цивилизаций – изоляционизм, вместо диалога, взаимопонимания и сотрудничества – столкновение цивилизаций, “взрыв этничности”, “схватка разнонаправленных развитий”. И пока не ясно, как совместить эти несовпадающие и даже взаимоисключающие векторы эволюции социума.

Похоже, наш мир будет ещё долго, если не всегда, оставаться “многополярным”, полицентрическим, ибо сама идея установления моноцентрического мира противоречит “логике социального”, базирующегося, как и всё в мире живого, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии сами по себе обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. В реальной жизни процесс становления новой геоструктуры мира, нового миропорядка, нового мироустройства имеет тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, к формированию новых и весьма жёстких разделительных линий. Мир, структурируясь иначе, по-прежнему остаётся трагически не единым, то есть, несмотря на планетарное взаимодействие в некоторых сферах жизни общества, в целом глобализация вовсе не глобальна — она лишена подлинного вселенского охвата.

Теперь следующий парадокс. В противовес надеждам на расширение социального равенства глобализация существенно расширила экспансию Запада, открыла ему возможность запустить в действие “дьявольский насос” (выражение академика Н. Моисеева), позволяющий странам с производительностью труда выше среднемирового уровня выкачивать из стран с производительностью труда ниже среднемирового уровня всякого рода ресурсы, включая человеческие, интеллектуальные и даже красивых женщин, что на практике обернулось интенсивным возрастанием на нашей планете количества “падающих”, “несостоявшихся” государств (“failed states”), вконец обнищавших народов, утративших всякую перспективу своего дальнейшего развития.

Сегодня в разрыве жизненного уровня между богатыми и бедными странами обнаружился беспрецедентные масштабы. В мире за последние 15 лет доход на душу населения существенно понизился более чем в 100 странах. Сегодня около 1,5 миллиарда людей живут менее чем на 1 доллар в день, а 2,8 миллиарда — менее чем на 2 доллара (3, с. 46). По данным ООН, разрыв в доходах 20% населения планеты, проживающих в самых богатых странах, и 20% населения, проживающих в самых бедных странах, составил 30:1 в 1960 году, 60:1 в 1990 году, 74:1 в 1995 году. В 2000 году данный разрыв в распределении мирового дохода превысил 100:1 (4). Современная статистика доходов красноречиво свидетельствует: на протяжении последних десятилетий реальная заработная плата рабочих низшей и средней квалификации устойчиво снижалась, тогда как доходы высококвалифицированных работников, индивидуально занятых программистов, дизайнеров, учёных, а особенно управляющих, менеджеров постоянно росли. Например, в США средний заработок промышленного рабочего примерно в 300 (!) раз ниже, чем доходы высших менеджеров крупнейших компаний. В 1980 году этот разрыв был почти вдвое меньше (5, с. 51). Вообще, по экспертным оценкам, “в большинстве развитых капиталистических стран уровень и качество жизни основных слоёв населения за последние кризисные годы снизились почти вдвое” (6, с. 106). Сегодня 1 миллиард людей в мире голодает, 8 миллионов ежегодно умирает от голода и недоедания, 22 тысячи детей в возрасте до 5 лет ежедневно умирает из-за бедности (7, р. 379). Согласно докладу ООН “Глобальные тенденции занятости в 2013 году” количество безработных во всём мире в 2012 году выросло до 197 миллионов человек (8, с. 119–123). Всё большее количество людей в мире, переселяющихся из сельской местности в города, оказывается запертым в кольце пригородных трущоб, где они вынуждены существовать в условиях жуткой антисанитарии, отсутствия водопровода, канализации и прочих элементов инфраструктуры любого нормального города. Численность обитателей этих гетто в мире неуклонно растёт (8, с. 109).

Вот последние данные, которые были объявлены в СМИ перед заседанием Всемирного экономического форума, который прошёл в январе 2018 года в Давосе. Согласно этим данным, если взять всю совокупную прибыль, которую человечество получило в 2017 году, то восемьдесят два процента её достались одному проценту населения нашей планеты — самым богатым людям. Это обстоятельство, наряду с прочим, свидетельствует об абсолютном безумии и патологичности глобального капитализма, о полной невозможности нормального развития человечества в его рамках. Это безумие возникло на Западе и навязывается им всему остальному миру.

Но самая глубинная амбивалентность феномена глобализации проявилась в следующем. Глобализация, хотя в немалой степени и поспособствовала

экономически развитым странам Запада в решении трудных краткосрочных и среднесрочных проблем, но одновременно, как это ни парадоксально, породила неразрешимые долгосрочные проблемы. Пока капитализм существовал наряду с огромной периферией и полупериферией, он мог быть успешным и восприниматься всей остальной частью человечества как воплощение прогресса и процветания. Но когда капитализм превратился в глобальный, он столкнулся с неразрешимыми противоречиями. Дело в том, что капитализм не может обеспечивать свои долгосрочные интересы без экспансии капитала в пространстве. Став глобальным, он резко сузил возможности решать свои проблемы, вынося их вовне. Развал Советского Союза и крах системы мирового социализма, позволившие открыть рынки с многочисленным населением, – последняя крупная подпитка, отсрочившая на некоторое время неизбежное разложение капитализма.

Теперь грабить особо некого. Глобализация, обусловившая почти повсеместное распространение капиталистических практик и норм (ныне слабо интегрированной в глобальную экономику остаётся лишь Африка), обернулась стремительным сужением приемлемого пространства для эксплуатации и получения быстрой прибыли. Соответственно, заканчиваются и характерные для капиталистической модели ресурсы её функционирования и развития. При сокращении и, тем более, при остановке внешней экспансии капитализм становится неэффективным. Сказанное со всей очевидностью демонстрирует, что успехи капитализма в существенной мере достигались за счёт максимальной эксплуатации некапиталистической периферии и полупериферии, то есть за счёт других цивилизаций. Это весьма убедительно подтверждают данные, приведённые В. Г. Трухановским в книге “Уинстон Черчилль” о колониальной экспансии Великобритании, население которой составляло 37 миллионов человек в то время, как население её колониальной империи – 370 миллионов. В среднем, таким образом, на каждого англичанина, шотландца и валлийца работало 10 жителей колоний (9, с. 39).

Получилось, что капитализм с его экономической системой, ориентированной исключительно на получение максимальной прибыли, больше не может эффективно функционировать и успешно развиваться, так как ему некуда расти. К сегодняшнему дню экономическая модель развития общества, которая утвердилась в Западной Европе в эпоху Нового времени, оказалась нежизнеспособной ни социально, ни экологически.

... Процессы глобализации не только не привели к преодолению экологических проблем, но, наоборот, способствовали их обострению. Этой теме можно было бы посвятить отдельную статью, здесь же укажем только, что за последние тридцать лет ускорились процессы загрязнения почвы, воздуха и водных ресурсов. Приведём для примера данные из интернета, касающиеся экологии нашей планеты в десятилетия “победного шествия глобализации”: “В 2007 г. Китай впервые вышел на 1-е место в мире по выбросам углекислого газа от сжигания топлива: его доля составила 20,9%. США заняли 2-е место с долей в 19,9%. Другими крупными загрязнителями стали ЕС – 11,3%, Россия – 5,4% и Индия – менее 5%”; “В 1990–2005 гг. площади лесов сокращались в среднем на 0,2% в год”; “Всемирный фонд дикой природы предупреждает, что к 2025 году дефицит воды затронет около двух третей населения мира” и т. д. Упомянем также, что попытки борьбы с выбросами углекислого газа в атмосферу, считающегося главным фактором потепления климата, не убедили гегемона глобализации США подписать Киотский протокол, а 1 июня 2017 года президент США Дональд Трамп заявил о том, что Соединённые Штаты выходят из Парижского соглашения по климату, подчеркнув, что он “не может с чистой совестью поддерживать соглашение, которое наказывает Соединённые Штаты”. Борьба за газ, нефть, истощённые почвы и лес-кругляк стала реальной причиной провоцирования гражданских конфликтов, возникновения “горячих точек”, острого военно-политического противостояния, пусть даже и на фоне громкого информационного гула на темы “стремления народов к демократическим ценностям”.

Ядром парадигмы глобализации, её главной пружиной осталась предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли, законе самовозрастания капитала, который ни перед чем не останавливается, ни на что не реагирует, подминая под себя в своём движении народы, государства, континенты. Именно эта сила с нарастающей скоростью

погружает наш мир в ситуацию глобальной нестабильности, грозящей трансформироваться в катастрофу вселенского масштаба.

Восточный вектор глобального доминирования

В то же время вскрылась и неожиданная тенденция, противоречащая дальнейшему усилению Запада в контексте глобализации. Благодаря совокупному действию средств коммуникации (телевидение, радио, реактивная авиация, интернет, мобильный телефон и т. д.), глобализация постепенно создала, как это ни странно, условия для экономического и технологического прорыва и стремительного восхождения наиболее продвинутых развивающихся стран. К сегодняшнему дню выявился целый ряд крупных стран, которые, несмотря на своё прошлое и даже нынешнее отставание от стран первого мира – лидеров глобализации, – быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень мировой иерархии и начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. В специальной литературе эти государства сейчас принято называть восходящими странами-гигантами. В эту группу государств чаще всего включают Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР (БРИКС). С различной степенью определённости также говорят о втором эшелоне восходящих стран-гигантов, к которому относят Мексику, Пакистан, Индонезию и др. Здесь всё дело заключается в том, что новые информационные технологии и новые средства передвижения, увеличивающие проницаемость национально-государственных границ, позволили данным странам воспользоваться технологическими достижениями Запада и его опытом модернизации. “Запад фактически потерял контроль над новейшими высокими технологиями, которые весьма успешно используются развивающимися странами в собственных интересах. Более того, технологии, созданные Западом, могут быть использованы против него” (10, с. 17). Иначе говоря, глобализация стала тем трамплином, с помощью которого целый ряд не западных стран “смогли не просто бросить вызов развитому миру, но и претендовать на первые роли в мировой экономике и, соответственно, мировой политике” (10, с. 17).

Некоторые авторы пишут о том, что сегодня обозначились контуры “мира без Запада”. Этот новый мир покоится, с их точки зрения, “на углубляющихся быстрыми темпами взаимосвязях между развивающимися странами (через потоки товаров, денег, людей, идей), которые, на удивление, неподконтрольны Западу. В результате формируется новая, параллельная международная система с собственными нормами, институтами и общепринятыми структурами власти... Восходящие державы начали выстраивать альтернативную архитектуру институтов и особые модели государственного управления, которые составляют каркас их собственного – и очень реального – устойчивого и легитимного (в глазах большей части остального мира) политико-экономического порядка” (11, с. 21). Английский исследователь Н. Фергюсон, рассуждая на данную тему, подчёркивает: “Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и её гигантскому североамериканскому отпрыску придёт конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интровертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идёт вслед за ней – и, прежде всего, Китай, – свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия с доминирующим в ней Китаем станет будущим мировой экономики” (12, с. 17). Даже небезызвестный З. Бжезинский признавал, что “500-летнее глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу” (13).

Мало того, что глобализация перевела зоны быстрого экономического роста на Восток, она показала и возможность иных экономических моделей. Действительно, сегодня, например, в Китае, Вьетнаме и некоторых других странах Юго-Восточной Азии складывается новый, более эффективный, по сравнению с американоцентрическим неолиберальным, тип хозяйства, который органически сочетает в себе план и рынок. Сочетание стратегического планирования, имманентно присущего социализму, и рыночной самоорганизации в этих странах обеспечивает куда более высокие темпы экономического роста, чем в модели “глобального рынка”, ориентированного на

максимизацию прибыли финансовой олигархии. Иначе говоря, модель, позволявшая посредством сочетания реформированной и “современенной” существовавшей ранее так называемой советской модели с традиционно восточными принципами общественного и государственного строительства, стала существенно отличаться от того пути развития, который Запад уже более двухсот лет навязывает всему человечеству. В результате странам Юго-Восточной Азии удалось успешно соединить нерастраченный потенциал традиционного общества и возможности общества индустриального и постиндустриального. Опыт социализма, советское мышление, советские социальные технологии являются здесь абсолютно востребованными и незаменимыми. Причём осуществляли они всё это постепенно, поэтапно.

Оказалось, что сегодня, чтобы достичь успехов в глобальной конкуренции, необходимо, помимо “невидимой руки” рынка, использовать и “видимую руку” государственного управления, устанавливать разумные пропорции между рыночными и административными отношениями, достигать оптимального баланса между наиболее позитивными элементами, присущими капитализму и социализму. Такая модель развития на данном историческом этапе явно смягчает негативные издержки экономического фундаментализма, характерного для западноцентрического мира. “Восточная Азия уже стала или, во всяком случае, становится равновеликой Западу несущей конструкцией мирового сообщества, и эта её роль в обозримой перспективе будет неуклонно возрастать. Причём на самом Востоке фактически вызревают несколько центров (Китай, Япония, Индия и численно возрастающая группа более мелких, но весьма динамичных новых индустриальных стран), способных соперничать как между собой, так и с западными странами, в том числе и с США” (14, с. 135).

Глобализация, которая началась как западный проект, постепенно изменяет свой вектор, предназначение, первоначальные цели и установки. Если раньше Запад только наступал, то в нынешних условиях он уже вынужден занимать оборонительные позиции. Сегодня стало очевидным, что однополярный мир и глобализация по-американски уходит в прошлое, что инициаторы процессов глобализации уже не единственные вершители судеб современного мира. Представляется, что история ставит точку как в вопросе о конце периода господства западноцентрической модели развития социума, так и глобализации по-американски, символом которой явился “Вашингтонский консенсус”.

Неудивительно, что сегодня такие заголовки, как “Глобальный мир в тупике”, “Кризис современной модели глобализации”, “Инверсия глобализации”, “Другая глобализация”, “Откат глобализации”, “Эрозия глобализации”, “Глобализация замедляет свой ход”, “Глобализация “сходит с рельс”, “Размытый концепт глобализации”, “Постглобальный мир” и т. п., стали всё чаще и чаще мелькать в оглавлениях специальной литературы, посвящённой анализу современных трансформационных процессов.

Однополярный мир не состоялся. Не получилось и, похоже, уже не получится западно-центрического мироустройства. Западные стандарты жизни, его ценности, его установки на тотальное господство над природой и другими народами, его однополюсный фашизм вызывают у человечества все большее отторжение. Происходит постепенная смена фаз доминирования в развитии человечества, вступление в свои права нового исторического мегацикла: Восток–Запад. Восток снова выходит на историческую арену в качестве мирового лидера, и это обнадеживает. Не будем забывать, что Восток – это колыбель человечества, что именно первичные восточные цивилизации заложили духовные основы развития человеческого рода, что Восток – это кладёшь древних знаний.

Уже невозможно не замечать и того, что страны Юго-Восточной Азии практически преодолели комплекс своей неполноценности в отношении Запада. Запад, как становится сегодня очевидным, всё в большей степени демонстрирует неспособность выдвинуть какие-либо масштабные проекты и альтернативы социокультурного и социально-экономического развития современного мира, которые могли бы выступить в качестве объединяющих и мобилизующих народы идеалов. Народы мира всё в большей степени перестают верить Западу. “... Выйдя из холодной войны, Европа проиграла послевоенный мир. Континент стоит перед угрозой стратегической деградации... Европа погружается в свой внутренний кризис в то время, как на глобальной арене заканчивается её пятисотлетнее доминирование” (15, с. 92). Кроме того, Запад, в силу ряда

объективных причин (в том числе и по причине укоренённости в комфорте настоящего), истощил свои энергетические импульсы, утратил “пассионарность”, столкнулся с небывалой порчей человека. Верно сказано, что народы выдерживают испытание бедностью, но ни одному народу не дано выдержать испытание богатством и роскошью. Или можно сказать иначе: “Цивилизация рождается стоиком, а умирает эпикурейцем” (Уйм Дюрант).

Согласно многим исследователям, сама логика истории диктует Востоку необходимость дать свой ответ на вызов однополярности и глобального хищничества, брошенный миру США и их ближайшими союзниками. Одним из наиболее вероятных таких “полюсов силы”, обладающим способностью выстроить свою стратегическую линию (альтернативу) в противоборстве с Западом (“атлантистами”, “пиратами моря”), как раз и могут стать евразийские гиганты – Китай, Индия, Россия. Причём в этом грядущем ответе Востока Запад сталкивается с первым в истории человечества культурно-цивилизационным, по-настоящему всепланетарным противостоянием. “Крушение социализма и окончание холодной войны, – пишет в связи с этим японский исследователь Сакакибара, – избавил мир от гражданской войны между двумя версиями прогрессизма, заслонявшими подлинно фундаментальный вопрос о существовании различных цивилизаций” (16, р. 13–14). С точки зрения сторонников данного взгляда, борьба прежних двух социально-политических систем – капитализма и социализма, – по существу, происходила на одной почве – почве Просвещения, выступала как гражданская война двух западных идеологий – либерализма и социалистической идеи – как двух сторон одной и той же западноевропейской индустриальной цивилизации. Поэтому, если и первая, и вторая, и третья (холодная) мировые войны ещё не были в полном смысле слова “мировыми”, поскольку участвующие в них соперники были наследниками европейского Просвещения, то разворачивающееся ныне противостояние, согласно такому подходу, приобретает черты подлинной всемирности. Подобные мысли высказывают и индийские учёные Д. Кадшика и М. Сингха. Согласно им, настало время объединить усилия Индии, Ирана, Китая, России и Малайзии для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий – для себя и для других стран (17, с. 17).

Народы мира пока ещё завидуют материальному богатству Запада, но уже перестали его бояться. Если раньше Запад только наступал, то в нынешних условиях он уже вынужден занимать оборонительные позиции.

Глобализация как форма подлинной интеграции и действительного объединения человечества может только в том случае стать возможностью и необходимостью, если она вместо унификации и нивелировки будет сориентирована на сохранение человеческого разнообразия, на реализацию принципа справедливого равенства между странами и народами, если в её основу будет положен принцип полицентричной организации экономической, политической и культурной жизни людей. Глобализация как таковая вовсе не противопоказана человечеству, но возможна лишь в том случае, если она реализуется ради решения общих проблем для осуществления подлинного развития, если она происходит естественно, а не производится насильственно, с жёстким формированием её процессов посредством политического и экономического давления. В этом контексте можно было бы вести речь о качественно ином типе глобализации – *неоглобализации*. Последняя, однако, возможна, на наш взгляд, только в результате изменений формационного характера, то есть перехода человечества к той или иной форме посткапитализма.

Парадоксы и лабиринты новых проектов

Размышляя обо всех этих проблемах, мы вольно или невольно сталкиваемся с интересной и весьма своеобразной парадоксальностью нашего времени. Воистину, время кризисов – время парадоксов.

Природа парадоксов нашего времени в значительной степени обусловлена быстро изменяющейся диалектикой соотношения объективного и субъективного факторов в развитии общества. Усложнившийся мир социума уже невозможно описать, исходя из детерминистской парадигмы, господствовавшей ранее в нашем общественном сознании. Социальная эволюция сегодня всё в меньшей степени становится зависимой от объективных детерминант и всё в большей мере демонстрирует способность к самоопределению и самопреобразованию

на основе устремлений и деятельности тех или иных социальных субъектов. Важнейшей детерминантой в жизнеустройстве общества всё в большей мере становятся процессы в сфере субъективной реальности. Поэтому, говоря о становлении нового мирового порядка, новой геоструктуры мира, нового мироустройства, нельзя ограничиваться лишь исследованием принципов и механизмов их стихийного формирования. Похоже, ныне мы и в самом деле вправе ставить вопрос не просто о смене, но и о замене одного мирового порядка другим, то есть о процессе, осуществляемом определёнными политическими силами и структурами в соответствии с заранее сформулированными целями, проектом, планом.

В результате всех этих тенденций и процессов вырисовывается парадоксального рода картина. С одной стороны, агония капитализма как общественного строя имеет объективные причины. Его кризис носит фундаментальный и, в конечном счёте, необратимый характер. Но с другой стороны, современные глобалистские структуры и институты обладают не только отточенными инструментами и способами провоцирования и развязывания горячих локальных войн, но и новым информационно-смысловым оружием, позволяющим повсеместно вести успешные холодные войны. Поэтому борьба за утверждение новой модели развития социума будет продолжительной и тяжёлой, не исключено, что она будет сопровождаться войнами и конфликтами междивизиационного характера. Таким образом, будущее человечества пока находится на “весах” истории.

Представляется, что инициаторами нового цивилизационного поворота могут стать только те народы, которые ещё не до конца развращены инструментально-потребительской, искусственно-технической цивилизацией, сохранившие элементы органической жизни, обладающие мощным ценностно-духовным потенциалом, устойчивыми и достаточно развитыми культурами. Именно эти народы могут оказаться способными на нынешней развилке исторических путей противостоять вирусу потребительства, ориентациям на изнеженно-комфортный, иждивенчески паразитарный образ жизни и мобилизоваться для творческой альтернативы многим негативным реальностям современной евроамериканской цивилизации. Этим народам есть что сказать миру, испытывающему настоятельную потребность в новом сознании и новых формах социального бытия. Их задача — отказаться от имитационного пути исторического движения, концепции “догоняющего” развития и предложить принципиально новую модель социокультурного развития. Три гиганта Евразийского континента — Россия, Китай и Индия — способны обеспечить срыв плана Запада навязать Востоку перспективу “догоняющего развития” (“отсталого юга”), то есть вечной зависимости от Запада и вечного комплекса неполноценности, и создать, выстроить самостоятельную стратегию развития, собственную историческую линию поведения. Да, появилось уже немало и других стран, которые всё в большей мере стремятся эмансипироваться от влияния Запада, освободиться от его доминирования на мировой арене.

Однако вся проблема в том, что коллективный Запад, который господствовал над миром в течение, по меньшей мере, трёх столетий, столкнувшись с новыми реалиями, массой трудноразрешимых, а возможно, и вообще неразрешимых проблем, тем не менее, не готов с этим согласиться и принять это. Напротив, современная глобократия, рождённая Западом, с завидной энергией стремится повернуть обнаружившиеся объективные тенденции и реальные положения в современном мире в свою пользу, то есть взять реванш.

Устремления нынешнего олигархического интернационала, действующего под прикрытием штатовской государственности, его цель — обладание всей полнотой власти над человечеством, но никак не развитие, то есть не решение важных и неотложных проблем, стоящих перед мировым сообществом. Стремление к мировому господству столь глубоко укоренено в сознании транснациональных элит, что его вполне можно квалифицировать как своего рода эрзацрелигиозную идею. Для тех людей, которые стремятся управлять глобальными процессами, контролировать мировую политику и мировую экономику, сама глобализация, вся система глобального управления выступает как нечто сакральное, своего рода священнодействие. Эти люди представляют собой определённую касту, рождённую в недрах западной цивилизации. Первоначально географическим центром сосредоточия этой касты выступала

Венеция, затем Амстердам, Лондон, а ныне она преимущественно сконцентрирована в Северной Америке. Применительно к современности данная каста зачастую характеризуется как “глобократия” или “управляющий глобальный класс”, “хозяева мировой игры”, “хозяева истории” и т. д. Желание доминировать во что бы то ни стало и выкачивать всевозможного рода ресурсы из стран периферии и полупериферии для этого интернационального сообщества – их навязчивая идея.

Сегодня, когда глобальный капитализм накопил огромный потенциал саморазрушения и внутренней нестабильности, когда мир стал полицентрическим, когда не получается объяснить в традиционных понятиях и категориях сложившееся положение, казалось бы, должны быть кардинально пересмотрены господствующие установки, ориентиры и цели относительно будущего развития человечества. Но ничего подобного не происходит. Запад, одержимый убеждением в превосходстве своих ценностей, обнаруживает полную неспособность осознать должным образом эту новую реальность и осуществить необходимую переоценку ценностей, отказаться от идей и взглядов, уже не соответствующих окружающей действительности. Так, в последнее время мы являемся свидетелями того, что “...каждые несколько лет Запад вмешивается в одну из ближневосточных стран, однако вместо модернизации там происходит архаизация, деградация, а западные социально-политические технологии не срабатывают, погружая народы в хаос и внутренние войны” (18, с. 2). Ещё более показательна ситуация на Украине, прозападный курс которой не только не привёл к исполнению надежд на европеизацию, но обострил кризисные явления во всех сферах жизни общества.

В случае успеха американизированных глобалистских структур, направляемых мировой финансовой олигархией, и их политики, ориентируемой на безальтернативное управление миром, торжество планетарного тоталитаризма может оказаться в ближайшем, а тем более в отдалённом будущем мрачной реальностью, то есть реализованной в чистом виде глобальной антиутопией оруэлловского типа, обществом, разделённым на расу господ и расу рабов, обществом, в котором подавляющее большинство населения будет погружаться в “скотскую апатию смирения и безнадежности”, как это показано в “Железной пяте” Дж. Лондона и многих других антиутопиях с их ужасающими картинами грядущего общества, управляемого с помощью искусственных мер, генно-инженерных экспериментов и т. п.

Если данным тенденциям в развитии социума не будет активного противодействия, то всё это, особенно если учесть манипулятивные возможности современных информационных технологий, может стать воплощённой действительностью. Отсюда задача грандиозной важности – направить трансформационные процессы в такое русло, в рамках которого откроются возможности для решения, а не умножения фундаментальных глобальных проблем, стоящих перед человечеством. А это, в свою очередь, означает, что перед человечеством остро стоит задача творческого поиска и утверждения новой модели развития общества.

“Новый социализм” и исторический опыт восточнославянских народов

Нам, восточным славянам, необходимо очень хорошо разобраться в том, что представляет собой современный мир, в каком направлении и как движется современная цивилизация. Это нам необходимо для того, чтобы в очередной раз не свершить тупиковый выбор, не попасть в историческую западню, чтобы верно определить надёжную перспективу для своего дальнейшего развития.

В заключение имеет смысл хотя бы поставить вопрос о месте России в нарастающем ныне противоборстве Запада и Востока. Сегодня ряд исследователей полагает, что в данном противоборстве позиция России предопределена: её место с Востоком. Причём, согласно этой точке зрения, именно переход России в восточную коалицию сможет обусловить слом всех планов победившего в холодной войне Запада в отношении исторических перспектив развития Востока.

Однако, вступая в союзнические отношения со странами Востока, России и близкородственным ей народам необходимо соблюдать определённого рода осторожность и осмотрительность. Для России Евразийский проект может

быть перспективен только в том случае, если в нём будет участвовать наряду с Беларусью и Украина. В нынешней конструкции Евразийского союза не хватает важнейшей составляющей – Украины. Без Украины, её сорокамиллионного населения России сложно будет выступать в качестве системообразующего ядра нарастающей и разворачивающейся евразийской интеграции, не подвергаясь риску утери культурно-цивилизационной идентичности в тесном окружении густонаселённых азиатских государств. Что же касается Беларуси и Украины, то они без России в не меньшей степени будут подвержены риску денационализации и утери своей славянской идентичности. Ибо, как правильно пишет украинский исследователь С. Н. Сидоренко: “Без Киева, из которого берёт начало наша история, без единого Православия, без русской культуры, которая является общим достоянием великороссов, малороссов, белорусов и других народов некогда единой страны, и Россия, и Украина внутренне бессмысленны и взаимно неполноценны” (19, с. 135). Поэтому преодоление украинского кризиса и восстановление дружеских отношений между Украиной и Россией – задача стратегической важности. Выстраивание взаимоотношений с Западом также требует взвешенности и стратегического подхода. Тем более что попытки Запада привить различным регионам мира свою модель развития уже настолько зримо проявили полную бесперспективность, что остаётся только удивляться степени наивности (или странного умысла?) некоторой части групп информационного влияния на постсоветских пространствах, продолжающих идеализировать западные “демократические ценности” и транслировать мифы либерального счастья. А трагические процессы, связанные с попытками Запада распространить своё влияние на территорию Украины, пока показывают только одно: “...вместо приближения к европейской жизни происходит прямо обратное... У Запада иссяк модернизационный потенциал. Он не срабатывает даже на европейских по культуре обществах” (18, с. 2).

Представляется, что в рамках современного трансформирующегося мира восточнославянские народы должны взаимодействовать и одновременно соблюдать определённую дистанцию относительно протестантско-католического Запада и мусульманско-буддийского Востока, но при этом не отчуждаться от них полностью. Современная цивилизация потеряет своё силовое и духовное равновесие, гармонизирующее поле развития, если восточнославянские народы будут полностью ассимилированы Западом или всецело окажутся во власти Востока. Волей исторической судьбы восточнославянские народы заняли географическое положение между Западом и Востоком, стали контактной зоной Запада-Востока. Их промежуточный статус, их “местоположение” на границах двух миров во многом предопределили их линии эволюции. Возможно, именно судьба “цивилизационного контактера” позволяет восточнославянским народам, как никаким другим, осуществить великую миссию творческого синтеза позитивных импульсов Запада и Востока, Юга и Севера в преодолении их односторонности и ограниченности и, тем самым, сыграть лидирующую роль в формировании новой модели (парадигмы) в развитии социума, соединяющей в себе рациональные и духовные начала, индивидуализм и коллективизм.

Достижения и исторический опыт славяно-русской, или православной, в терминологии А. Тойнби, цивилизации ещё понадобятся человечеству. Демонтаж социализма в Советском Союзе и утверждение капиталистического строя в предельно извращённом виде в современной России диктуют необходимость снова и глубже осмыслить основные положения теории социализма и её практического воплощения в жизнь. Спору нет, в ходе строительства СССР было допущено немало ошибок масштабного характера, протекающих как из-за пионерского, не имеющего аналогов в прошлом, характера решений практических задач, стоявших перед обществом, так и из-за неадекватности поступков и действий властвующей в те или иные периоды элиты. Мы убеждены, что новая, альтернативная глобальному капитализму модель развития социума, которая утвердится в будущем, при любой своей конфигурации неизбежно будет содержать в себе элементы социалистической идеи и опыта её практической реализации в Советском Союзе. К слову, в скандинавских странах, которые любят приводить как пример успешной реализации принципов социальной справедливости, многие достижения основаны на использовании элементов социалистического устройства жизни. Новый социализм,

фундаментальные ценности которого будут ориентированы на равенство, станут ответом на патологическим образом нарастающее неравенство в современном мире. Разумеется, новый социализм будет сильно отличаться от классического. История не любит повторяться. Тем не менее, его существенные элементы и в новых условиях жизни будут, несомненно, иметь место.

Это обстоятельство ставит восточнославянские страны в более выигрышное положение сравнительно со странами, в которых в течение длительного времени господствовал классический капитализм. Здесь особенно важно то, что восточнославянским народам изначально, имманентно присуще стремление к организации жизни, соответствующее тем или иным принципам и идеям социализма. Капитализм никогда не был органичен восточным славянам, он противоречил их глубинным архетипам сознания и ментально-духовным структурам. При этом историческая память о сравнительно недавнем, по историческим меркам, опыте строительства и жизни при социализме ещё сохраняется в сознании широких народных масс. Неудивительно, что в наше время слово “социализм” возвращается в политический лексикон, а сама модель социалистического жизнеустройства активно обсуждается в научных и научно-популярных публикациях.

Таким образом, кризис проекта глобализации, с которым столкнулось современное общество, не может не открывать дорогу разного рода альтернативным и качественным сдвигам в развитии социума и, вместе с тем, ставит человечество перед необходимостью нового цивилизационного выбора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Самохвалова В. И. Реальность глобализирующегося мира и образ человека // *Философские науки*. 2017. № 4.
2. Казинцев А. И. Возвращение масс. Дневник современника. М., Наш современник, 2010.
3. Готнога А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. М., Владос, 2007.
4. Dikhanov J. Trends in Global Income Distribution, 1970–2000, and Scenarios for 2015 [Electronic resource] // Human Development Report Office. URL: http://siteresources.worldbank.org/ICPINT/Resources/hdR2005_Dikhanov_Yuri_8.pdf.
5. Пржевальская О. Н. Противоречия глобализации и интересы России // *Власть*. 2003. № 3.
6. Черковец О. Современный капитализм: не кризис модели, а банкротство системы [Электронный ресурс] // *Общество и экономика*. 2013. № 5. С. 97–108. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_19544964_83694589.pdf.
7. Struhl K. J. The Moral Necessity of Socialism [Electronic resource] // *Value and Values: Economics and Justice in An Age of Global Interdependence*. University of Hawai'i Press, 2015. P. 377–379. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x1k8c>.
8. Девис М. Планета трущоб // *Логос*. 2008. № 3.
9. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., Международные отношения, 1982.
10. Гаджиев К. С. Об инверсии факторов и функций глобализации // *Международная экономика и международные отношения*. 2015. № 7.
11. Барма Н. Мир без Запада / Н. Барма, С. Вебер, Э. Ратнер // *Россия в глобальной политике*. – 2008. № 4.
12. Фергюсон Н. Мир без гегемона // *Свободная мысль*. XXI. 2005. № 1.
13. *International Herald Tribune*. 2008. Dec. 17.
14. Гаджиев К. С. Вестернизация или особый путь модернизации // *Политические исследования*. 2008. № 4.
15. Караганов С. А. Евразийский выход из европейского кризиса // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 4.
16. Sakakibara E. The End of Progressivism – A Search for New Goals // *Foreign Affairs*. 1995. September/October.
17. *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 2.
18. Неменский О. Уходящий Запад // *Литературная газета*. 17–23 января 2018. № 1–2.
19. Сидоренко С. Н. Новая Россия и бывшая Малороссия // *Москва*. 2003. № 11.